

— Чжэн, это уже ни в какие ворота не лезет! У этого помещика Циня денег куры не клюют, да только он уже старик глубокий. Какая радость девушке в таком доме? К тому же, говорят, он жену изводит, одна за другой помирают. Ты что же, решил девчонку в могилу спровадить? — сокурсник, заговоривший первым, смотрел на Чжэн Таня с нескрываемым осуждением.

Чжэн Тань понял, что ситуация обернулась против него. Он-то надеялся при всех сокурсниках прижать Шао Юя к ногтю, выставить его в глазах окружающих бесчестным подлецом, а вышло, что сам себя в яму загнал.

Он испугался: раньше Шао Юй и двух слов связать не мог, а сегодня так ловко его припёр к стенке, что и ответить нечего. Чем больше Чжэн Тань думал, тем сильнее убеждался: Шао Юй всё это время притворялся, а сейчас устроил этот спектакль, чтобы прославиться за его счёт.

Мысли его путались, и даже то, что Шао Юй решил выдать племянницу замуж ради выкупа, теперь казалось ему хитроумной ловушкой.

Шао Юю надоело разыгрывать комедию перед Чжэн Танем. Он прямо сказал:

— Раз уж вы здесь, будьте свидетелями. Благородный человек ищет богатства лишь праведными путями. Пусть у меня в кармане ни гроша, но я скорее пойду по миру с протянутой рукой, чем совершу такую подлость и продам племянницу. После случившегося я понял, что глубоко ошибался в людях. Чжэн, с этого дня мы больше не друзья. Прошу, не заговаривай со мной впредь.

Чжэн Тань опешил. Он никак не ожидал, что дело дойдёт до разрыва отношений, и поспешно забормотал:

— Шао, Шао, ну зачем так горячиться? Давай обсудим всё спокойно. Я был неправ, приношу свои извинения, не стоит из-за этого рвать дружбу.

Но Шао Юй не дал ему шанса:

— Не нужно слов, Чжэн. Ты прекрасно знаешь, как я дорожу семьёй. Мои старший брат и невестка для меня дороже жизни, а ты едва не поссорил нас из-за этой гнусной сделки. Твой поступок непростителен!

Как только эти слова слетели с его уст, другие студенты, собиравшиеся было примирить их, тут же прикусили языки. Они представили, что если бы брак действительно состоялся и жизнь племянницы Шао Юя превратилась бы в ад, то братья, скорее всего, действительно стали бы врагами.

Более впечатлительные студенты, решив, что Чжэн Тань — человек злобный и коварный, поспешили отодвинуться от него подальше.

Чжэн Тань хотел было возразить, но гнев на лице Шао Юя и его твёрдые, как сталь, слова были

слишком убедительны. Да и его собственное настойчивое желание устроить этот брак было неопровержимым доказательством вины. Ответить было нечего.

— Шао, да дело же только в деньгах! Я знаю, как ты стремишься к знаниям. Если в семье совсем пусто, я могу помочь, не нужно продавать племянницу, просто попроси! — подал голос один из полноватых сокурсников.

Этого студента звали Чжан Цзиньлунь. У него был лишь титул туншэна, но его семья занималась торговлей и была весьма зажиточной.

Именно из-за того, что он был из купеческого сословия, его недолюбливали в уездной школе, и он держался особняком. Сейчас, заступившись за Шао Юя, он надеялся заслужить его расположение.

Шао Юй не разочаровал его. Сложив руки в приветственном жесте, он ответил:

— Благодарю за доброту, Чжан, но я не могу принять её просто так. Я действительно собираюсь участвовать в предстоящем сянши и мне действительно не хватает средств. Я не стану отказываться от твоей помощи, но прошу всех сокурсников быть свидетелями: я напишу долговую расписку, где укажу срок возврата и проценты.

Чжан Цзиньлунь, который уже мысленно попрощался с деньгами, был приятно удивлён такой серьёзностью Шао Юя. Его симпатия к нему только выросла.

— Шао, истинно благородный муж!

Сокурсники наперебой хвалили Шао Юя, не забывая при этом бросать косые взгляды на Чжэн Тяня.

Тот затаил злобу, поклявшись, что на предстоящем сянши во что бы то ни стало втопчет Шао Юя в грязь, чтобы отомстить за сегодняшний позор.

Шао Юй, пряча деньги за пазухой и неся на спине поклажу, проходил мимо одного из домов и увидел, как женщина лет тридцати выталкивает Фан Хуэйнян на улицу. Корзина с зеленью полетела следом и рассыпалась по земле.

Это было не просто выпроваживание — это было настоящее изгнание.

— Старшая дочь, теперь ты жена сюэя, семья должна на тебя опираться, а ты что же, тянешь из нас последние жилы? Посмотри вокруг: какая жена не помогает своим родителям? А ты — всё наоборот, хочешь обирать родной дом, чтобы прикрыть нужды мужа! — женщина говорила

громко, и Фан Хуэйнян от стыда опустила голову.

Женщина упёрла руки в бока и закричала:

— Твой отец выдал тебя замуж за Шао не для того, чтобы ты таскала у нас деньги! У тебя уже ребёнок есть, пора бы ума набраться!

Вокруг этой сцены уже собралась толпа зевак, которые принялись перешёптываться. Фан Хуэйнян, будучи робкой по натуре, не проронила ни слова.

Видя её молчание, женщина вошла в раж. Подняв глаза, она заметила проходящего мимо Шао Юя и съязвила:

— О, а вот и наш сюцай пожаловал! Что, господин учёный, решил жить за счёт жены?

Фан Хуэйнян, стоявшая на коленях и собирающая зелень, замерла. Она робко подняла взгляд:

— Муж...

Шао Юй посмотрел на женщину и спокойно произнёс:

— Тёща.

Эта женщина была Чжан, мачеха Фан Хуэйнян. Родная мать Хуэйнян умерла при родах, и отец Фан женился снова. Чжан родила двойняшек, а через два года ещё одну дочь. Отец Фан, разочарованный тем, что Хуэйнян не мальчик, после рождения младших детей окончательно охладел к ней. Когда ей исполнилось восемнадцать, он, послушав наговоры Чжан, выдал её за Шао Юя.

Когда Шао Юй сдал экзамен на сюцай, в дом Шао потянулись сваты. Но тогдашний Шао Юй был полон амбиций, мечтал жениться на дочери чиновника, а потом провалил экзамены, и время было упущено. А когда он стал старше, а Шао Далан с женой всё не могли завести наследника, старики Шао забили тревогу.

Только вот Шао Юй постоянно проваливался на экзаменах, и пошли слухи, что он болезненный слабак. Из-за этого приличные семьи не хотели выдавать дочерей за Шао.

Мачеха Фан Хуэйнян была женщиной расчётливой. Отец Фан не хотел родниться с домом Шао, но Чжан убедила его, что Шао Юй — молодой талант, у которого большое будущее, а Хуэйнян уже переросла возраст невесты. Так они и поженились.

После свадьбы отец Фан сначала был приветлив, но Чжан снова нашептала ему, что Шао Юй — доходяга, и тот снова отвернулся от дочери. Он считал, что просто избавился от лишнего рта. Когда Шао Юй пытался занять денег, ему всегда отказывали под разными предлогами. В доме Шао быстро поняли отношение семьи Фан.

Шао Юй быстро сообразил, что к чему. Он подошёл, помог Фан Хуэйнян подняться и обратился к Чжан:

— Тёща, если вам не по душе эти овощи, можно было просто отдать их кому-нибудь, зачем же выбрасывать? Пусть моя жена вам не родная, но она столько лет называла вас матерью. Не хотите давать в долг — так и скажите, зачем же так унижать её?

— Оказывается, не родная... Вот почему она такая злая, — прошептала кто-то из толпы.

Чжан увидела, что ветер переменился, и закричала:

— Люди добрые, рассудите сами! Разве это дело — приходить в родительский дом и требовать тридцать лян серебра? Это же значит пустить нас по миру, чтобы заткнуть дыры в семье мужа!

Толпа, как флюгер, тут же приняла сторону Чжан.

Шао Юй не растерялся:

— Тёща, а на шее-то у вас до сих пор красуется приданое моей покойной тёщи.

Золотой ошейник на её шее выглядел тяжёлым и стоил не меньше сорока-пятидесяти лян.

Чжан испугалась, схватилась за ошейник и начала оправдываться:

— Что ты мелешь! Это не её, это я только на днях купила!

Шао Юй усмехнулся:

— Видимо, я ошибся.

— Деньги на золото есть, а родной дочери помочь нечем. Ну точно, мачеха, — раздалось в толпе.

— Вы ничего не понимаете! Моя старшая дочь удачно вышла замуж, я должна выглядеть достойно, чтобы не опозориться перед сватами! — Чжан была горда собой: её зять торговал в областном центре и был очень богат.

— Тёща, помощь родственников — это дело добровольное, а не обязанность. Если моя жена пришла к вам просить денег, это была её ошибка. Но перед уходом моя мать знала, что поездка будет напрасной, однако не остановила её. Она знала, что Хуэйнян скучает по родным, и позволила ей приехать.

Слова Шао Юя выставили госпожу Шао любящей свекровью, а Чжан — корыстной мачехой.

Он взял корзину из рук жены и продолжил:

— Мы люди бедные, взять нечего. Эти овощи жена собирала на огороде с самого рассвета, целый час отбирала лучшие. Если вы не любите мою жену и презираете меня за мою слабость, не хотите иметь с нами дел — не принимайте овощи, но зачем же так топтать их?

Фан Хуэйнян дёрнула его за рукав, хотела сказать, что не так уж долго она их собирала, но Шао Юй похлопал её по руке, бросив взгляд, означающий — успокойся, и она замолчала.

— И правда, это же от чистого сердца, как не стыдно выбрасывать, — проворчал старик из толпы.

Чжан, раздражённая вниманием людей, решила сбросить маску добродетели:

— Вы, книжники, всегда найдёте, что сказать! Я вас переговорить не смогу, но скажу прямо: хоть расшибитесь в лепёшку, денег я вам не дам!

Шао Юй вздохнул и повернулся к жене:

— Хуэйнян, раз так, то впредь, когда будешь навещать родных, считай это просто визитом вежливости. О деньгах больше ни слова.

Фан Хуэйнян с тревогой спросила:

— Но как же быть с твоим участием в сянши?

— Не беспокойся, я уже нашёл выход, — Шао Юй выдержал паузу и спросил Чжан: — Теперь вы довольны?

Чжан фыркнула:

— Смотрите, не пожалейте о своих словах.

Шао Юй не стал бросаться пафосными фразами вроде не презирай бедного юношу. Чжан хоть и была мелочной и корыстной, но ничего по-настоящему ужасного не совершила. Помощь — это не долг. Он достаточно унизил её словами и отыгрался, продолжать не было смысла.

А госпожа Шао, ждавшая дома возвращения невестки, никак не ожидала увидеть вместе с ней и Шао Юя. Она обеспокоенно спросила:

— Юй, почему ты вернулся? В школе что-то случилось?

Раньше Шао Юй возвращался только тогда, когда заканчивались деньги. Госпожа Шао при мысли о положении в доме едва не расплакалась.

Шао Юй улыбнулся:

— Скоро сянши, в школе всё равно толку мало, лучше буду готовиться дома, там спокойнее.

Госпожа Шао почувствовала, как сжалось сердце: в школе столько учителей, как там может быть плохо? Она догадалась, что сын просто решил сэкономить деньги.

Она испытала одновременно и укол вины, и радость, что младший сын наконец повзрослел. Она перевела полный надежды взгляд на Фан Хуэйнян, но, увидев всё ту же корзину с овощами, почувствовала, как сердце ушло в пятки.

Фан Хуэйнян покачала головой, не смея поднять глаз.

Госпожа Шао уже хотела что-то сказать, как вдруг Шао Юй произнёс:

— Один сокурсник, узнав о моей ситуации, одолжил мне тридцать лян.

Госпожа Шао и Фан Хуэйнян уставились на него, когда он достал из своей корзины тридцать лян чистого серебра.

Госпожа Шао в изумлении схватила его за руку и потащила в дом.

— Этот твой сокурсник... — госпожа Шао долго не могла подобрать слов. С тех пор как Шао Юй начал учиться, она видела всякое: когда он стал сюцаем, вокруг было полно льстецов, а когда проваливал экзамены — полно насмешников.

Не умея выразить свои мысли красиво, она наконец сказала:

— Твой сокурсник — хороший человек. Ты должен будешь отплатить ему добром.

Шао Юй поспешно ответил:

— Мама, не волнуйся, я не из тех, кто забывает добро. Все эти годы ради моего обучения вы с отцом, старший брат с женой и даже Хуэйнян натерпелись горя и унижений. Если я и в этот раз не сдам экзамен, я открою частную школу, чтобы вам не пришлось так тяжело.

Услышав это, старик Шао кивнул. Старший брат с женой, люди простые и работающие, почувствовали тепло на душе: младший брат помнит их жертвы, он не такой, как другие заносчивые книжники.

Шао Юй больше не был тем прежним высокомерным человеком, который только и умел, что

сосать кровь из семьи. Он понимал: если провалится, нужно будет найти способ заработать.

Из-за экзаменов Шао Юя семья была разорена. Теперь они ели дважды в день, и в мисках была лишь жидкая каша.

Видя, как истощали родные, Шао Юй отсчитал десять лян из занятых тридцати и протянул старику Шао.

— Я буду бережливее, мне хватит, а вы дома не экономьте так сильно на еде, — сказал он.

Старик Шао не взял денег, вздохнул и ответил:

— Бедность дома — не помеха, главное — сянши.

Помолчав, он осторожно спросил:

— Как твоё здоровье в этот раз? Есть уверенность?

— Я столько раз обжигался, теперь буду осторожен. Отец, пусть в этот раз старший брат поедет со мной, — попросил Шао Юй.

Старший брат опустил голову:

— Я не поеду. Пусть отец с тобой едет. На пристани работа есть, если постараться, можно заработать двадцать-тридцать медяков в день. Через пару дней, как дела закончу, пойду попробую.

Старик Шао кивнул, это был выход.

Но Шао Юй знал: работа на пристани — адский труд, много не заработаешь, а здоровье подорвёшь в момент.

Раньше Шао Юй ездил на экзамены вместе с Чжэн Танем, и о нём заботился слуга Чжэна. Теперь, после разрыва, Шао Юй не мог не подозревать, что его прошлые неудачи были как-то связаны с Чжэн Танем.

— Отец, лучше пусть брат поедет со мной в Цзиньлиньфу. А на пристань не ходи, это слишком тяжело. Мы возьмём с собой немного местных товаров, попробуем продать их в Цзиньлине.

Старик Шао засомневался:

— Торговля — дело непростое. А если не продадим? Всё зря пропадёт.

Шао Юй успокоил его:

— Не беспокойся, отец. Тот сокурсник, что дал мне денег, уже подсказал мне путь, всё должно получиться.

Старик Шао не обрадовался, а наоборот, нахмурился:

— Ты и так занял у человека тридцать лян, теперь ты у него в таком долгу, как же ты отдавать будешь?

В бедной семье даже долг благодарности ощущается как тяжёлое бремя.

Шао Юй ответил:

— Долг платежом красен, я всё помню. Пусть брат едет, может, найдёт путь к заработку, и семье станет легче.

Старик Шао подумал и согласился: для торговли действительно лучше подходит молодой Далан.

Старший брат нервничал. Всю жизнь он работал на земле, и продажа товаров казалась ему чем-то немыслимым. Он боялся, что не сможет и слова сказать покупателю. Но он всегда был человеком без собственного мнения, да и отца боялся, так что возражать не стал. Всё было решено.

Шао Юй добавил:

— Дая ещё маленькая, не беспокойтесь о её замужестве. Подождём, пока я сдам сянши, а там решим.

После ссоры с Чжэн Танем репутация Даи пострадала, и найти хорошую партию было бы непросто. Но если Шао Юй станет цзюйжэнем, все проблемы отпадут сами собой.

Невестка Шао успокоилась, а старик Шао задумался.

День отъезда настал быстро. С самого утра семья Шао готовилась к дороге, и этот завтрак был самым сытным за долгое время.

— Если не сдашь — не беда, главное — оставайся здоров, — наставлял старик Шао. Он боялся, что слабое здоровье сына станет проклятием, и Шао Юй снова сляжет прямо на экзамене.

— Отец, мама, берегите себя. Я не подведу вас, — Шао Юй опустил на колени и трижды поклонился родителям.

Затем он посмотрел на Фан Хуэйнян, чьи глаза были полны слёз, и на их сына Шао Яна, которому не было и года.

— Служи родителям, береги себя, поменьше шей по ночам, зрение испортишь.

Хуэйнян поспешно кивнула, сняла с руки серебряный браслет и протянула мужу:

— Если совсем будет туго, продай его. Это старая вещь, много не дадут, но всё же...

Шао Юй замер. Приданого у неё было мало, и этот браслет был памятью о её родной матери. От времени он почернел и потускнел.

Госпожа Шао про себя кивнула: пусть семья невестки и была никудышной, но сама она понимала, что к чему. Свекрови неудобно просить приданое, но если невестка отдаёт сама — это другое дело.

— Это последняя вещь, которая у тебя осталась, я не могу взять, — отказался Шао Юй.

Хуэйнян через силу улыбнулась:

— В работе он мне только мешает. Если это хоть немного поможет тебе, я буду рада.

Шао Юй, поняв, что отказ не примут, принял браслет:

— Если будет время, я найду в городе лавку и почищу его для тебя.

Хуэйнян кивнула:

— Как знаешь, муж.

Шао Юй посмотрел на Даю:

— Вернусь — сам дам тебе имя.

Глаза Даи засияли. Имя Дая казалось ей слишком простым, она мечтала о красивом.

Шао Юй и старший брат дошли до почтовой станции, где их уже ждали две телеги. Шао Юй не стал ехать с Чжэн Танем, а договорился с двумя другими бедными сюцаями вместе арендовать телеги.

Дорога до Цзиньлина была долгой, на волах ехать около двадцати дней. К счастью, дорога была ровной, разбойников не встретили, но из-за дождей задержались, и в итоге путь занял почти

месяц.

Шао Юй и старший брат ехали на одной телеге, два других сюця — на другой. К моменту прибытия в Цзиньлин телега Шао Юя, которая была наполовину пустой, оказалась забита товарами, купленными по дороге.

Те два сюця смотрели на это с явным осуждением, но, будучи людьми не склонными к сплетням, промолчали.

<http://bllate.org/book/25708/3072677>